

УДК 101.1::316 (045)

Н.Б. Ильина

СПОСОБЫ ВИРТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Виртуальная реальность возникает на границе между «концептом» и попыткой сконструировать реальность в соответствии с ним. Философский «концепт», выступая как абсолютная «точка зрения», наделяется правом авторитета в практическом осуществлении своих представлений, т.к. обладает властью-знанием. Возникающее в результате пространство нереально, оно существует, только выражаясь, и выступает «утопией». «Утопия» описывает «возможное» или идеальное состояние социальной реальности, которое является своим собственным симулякром. Конструирование виртуального пространства осуществляется с помощью коммуникации. Утопический конструкт самоутверждается, реализуясь в пространстве литературы и СМИ.

Ключевые слова: виртуальность, социальный дискурс, социальная реальность, конструктивизм, утопия, «возможное», масс-медиа

В современной социологии и социальной философии прослеживается несколько отличных друг от друга концепций «виртуальности». Будучи впервые использованными в ходе исследования сред, имитированных с применением технического оборудования, понятие «виртуальности» чаще всего рассматривается в контексте компьютерно-смоделированных «миров».

Первый подход относится к инженерно-семиотической концепции «виртуальности», разрабатываемой Ковалевской Е.В.[8], Розиным В.М. [13,14], Хаймом М.[17], Хэмитом Ф.[18] и др. Под «виртуальной реальностью» понимается «специфический вид символических реальностей, который создается на основе компьютерной и некомпьютерной техники, а также реализует принцип обратной связи» [14.С194]. Основные принципы функционирования данной виртуальной реальности следующие. Во-первых, предполагается обязательное использование «системы погружения», т.е. стереоскопического компьютерного изображения и «объемного» звука, действующих непосредственно на органы чувств. Во-вторых, построение виртуальной реальности характеризуется высоким уровнем знаковости, символичности используемых для моделирования образов. И, в-третьих, функционирование виртуальной реальности осуществляется через непосредственное взаимодействие субъекта с моделируемой средой, включающее в себя незамедленную (в режиме «реального времени») реакцию среды на действие субъекта, а также активное осмысление и «домысливание» («достраивание») знаков реальности до их полного совпадения с реальностью с точки зрения восприятия.

Второй подход может быть обозначен как символическая концепция «виртуальности», основополагающим принципом которого является опосредованная языком социальная реальность. Данная теория разработана такими исследователями, как Носов Н.А. [12], Сивирин Б.С. [15], Корсунцев И.Г. [8], Яновский Р.Г. [19] и др. Этот подход наделяет свойствами виртуальности

любую социальную реальность в силу того, что она «переживается через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимся от их строго семантического значения» [15.С.41]. Такое понимание неотделимо от процесса субъективного «достраивания» реальности. Каждый живет в созданной им самим «мыслимой» информационной среде, которая составлена знаниями, теориями, оценками, идеологемами, эмоциями, образами и т.д. и выступает «виртуальными ресурсами», без которых существование субъекта невозможно [12].

В концепции Носова Н.А. основным предметом исследования выступает «психологическая виртуальная реальность» [12]. «Понятие виртуальной реальности, - пишет он, - в его общем виде приложимо ко всем видам реальности: и физической, и технической, и психологической и т.д., поскольку в широком контексте, а именно как философская категория, категория виртуальности предлагает единую онтологическую парадигму не только для естественных и технических дисциплин, но и для гуманитарных» [19.С.135]. В психике каждого человека есть как реальные, так и виртуальные составляющие; наиболее отчетливо они проявляются в точных науках, где научные работники, пожизненно прикрепленные к своей профессии, погружены в её мир, в искусственно создаваемый поток компьютерных реальностей, с которыми они постоянно имеют дело. Мир моделей и символов заменяет им реальный мир.

Таким образом, концепция «виртуальности» в рамках данного подхода трансформируется в «социальную квазиреальность», символический механизм формирования представлений об окружающем мире, выраженный в стремлении адекватного воспроизведения действительности через ее символическое осмысление.

Третий подход к определению «виртуальности», объединяющий принципы символического удвоения реальности первых двух подходов, может быть представлен в рамках социального постмодернизма. Виртуальная реальность возникает на границе между философским концептом и попыткой с помощью последнего сконструировать социальную действительность. Это приводит к возникновению дискурса, стремящегося структурировать действительность. В данном случае философский дискурс приводит к возникновению не только социального, но и политического дискурса, а само понятие дискурса представляет собой разворачивание в символическом пространстве «точки зрения».

Согласно Делезу Ж., Гваттари Ф. философский «концепт», выступая как «точка зрения», стремится к выстраиванию социальной реальности в соответствии со своими представлениями. Такая «точка зрения», наделяясь правом авторитета, становится идеологией. Познаваемый авторитет подтверждает исключительную возможность практического осуществления этой «точки зрения», т.е. «концепт» здесь выносится за пределы социальной реальности, становится трансцендентным.

Осуществление абсолютной позиции происходит благодаря построению некоего пространства, обозначенного «топоса». Конструируемый фило-

софским дикурсом «топос» является мыслительной конструкцией, а не «реальностью», он является возможностью реальности, ее потенциальным «местом», «а-топией» или «утопией». «Утопия» обозначает смычку «концепта», мыслительного конструкта, с наличной средой [6]. «Концепты» философов образуют утопический, «возможный мир», т.е. «место», которого не существует. Этот «возможный мир» не реален, но он существует, когда выражается. Выражение придает реальность возможному как таковому, каждый раз новому «концепту», который рассматривается как «другой». «Другой» - это «возможный мир», каким он осуществляется в придающей ему реальность речи [6]. «Утопия», таким образом, является трансцендентным «местом», воплощающим конструкт виртуальности социальной реальности.

Процесс «ретерриториализации» есть процесс создания нового «концепта» в связи с возникновением новых проблем, целей, чего-то, чему не хватает осмысленности. Новый «концепт» - это новая идеология, т.е. новая территория, новый «топос». Когда «возможное», т.е. философский «концепт» детерриториализируется, возникают границы соответствующего ему дискурсивного пространства; границы пространства определяет говорение, речь.

Осуществление «возможного» как «утопии» приводит к возникновению симуляции социально-политической реальности. Концепция симуляции представлена в работах Ж. Бодрийяра [2-4]. Центральным понятием концепции является «симулякр». «Симулякры» представляют собой некие дискурсы, которые не имеют изначального референта; их значение формируется не за счет соотношения с независимой, фундаментальной реальностью, а за счет соотношения с другими знаками. «Симулякр» возникает в результате эволюции образа, представленной четырьмя последовательными этапами. Первоначально образ является отражением некоей философской концепции; потом он маскирует и искажает социальную действительность; на третьем этапе он маскирует отсутствие социальной реальности; и на последнем этапе образ вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности. Он является своим собственным «симулякром». Симуляция возникает в момент слияния образа реальности с собственно реальностью. Гараджа А. пишет о концепции Бодрийяра Ж.: «Симуляция, выдавая отсутствие за присутствие, одновременно смешивает всякое различие реального и воображаемого» [11]. Осуществление «возможного», как воплощение «концепта», возникает по причине наличия у философского дискурса власти-знания.

Согласно Лиотару Ж.-Ф., знание и власть являются двумя сторонами одного вопроса: «Кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать?» [9.С.29], т.е. вопрос о знании является вопросом об управлении, которое является функцией власти. Знание «совпадает с широким «образованием» компетенции, оно есть единая форма, воплощенная в субъекте, состоящем из различных видов компетенции, которые его формируют» [9.С.53]. Формирование такого знания основано на усвоении обычаев, поскольку именно из традиции черпаются критерии, установленные в обществе, которое образуют собеседники «знающего». Такого рода установление критериев, основанных на традиции, позволяет отличать «незнающих» от «знающих». Здесь про-

слеживается некий горизонт «неразвитости» и противоположный ему горизонт, где разные компетентности предлагаются связными единством традиции [9.С. 55]

В формировании такого традиционного знания «первенствует нарративная форма» [9.С.54], рассказ. Рассказы позволяют, с одной стороны, определить критерии компетентности, свойственные обществу, в котором они рассказываются, а, с другой – оценить, благодаря этим критериям, результаты, которые в нем достигаются или могут быть достигнуты. Нарративная форма показывает один из признаков общепризнанного свойства традиционного знания, а именно, нарративные «посты» - отправитель, получатель, герой. Они распределяются таким образом, что право занять один из этих постов основано на двояком факте: «на том, что ранее такой-то индивид занимал другой пост – получателя, и на том, что о нем – благодаря имени, которое он носит – уже говорилось в рассказе, т.е. на факте быть помещенным в позицию диегетического референта других нарративных случаев» [9.С.55]. Таким образом, знание определяет сразу и то, что нужно сказать, чтобы тебя услышали, и то, что нужно слушать, чтобы получить возможность говорить, и то, что нужно играть, чтобы суметь создать предмет рассказа. Знание, образующееся в такой конструкции, позволяет увидеть, как традиция рассказов является в то же время традицией критериев, которые определяют тройную компетенцию – умение говорить, слушать и делать, - где разыгрываются отношения внутри самого сообщества. «Именно через рассказы передается набор прагматических правил, конструирующих социальную связь» [9.С.56]. Таким образом, нарративы определяют критерии компетенции и иллюстрируют ее применение. Они определяют, что имеет право говорить и делаться, в обществе, и поскольку они сами составляют его часть, то тем самым оказываются легитимными.

Таким образом, «виртуальность» определяется как утопия, трансцендентная «точка зрения»: как мыслительный конструкт, описывающий «возможное» состояние социальной реальности. Возможный, утопический мир становится симуляцией социальной реальности, претендующей на истинность описания и структурирования реальности, легитимирующей себя благодаря наличию власти-знания.

«Точка зрения», наделенная властью-знанием, выстраивает мыслительный конструкт, представляющий собой «возможное», или идеальное состояние социальной реальности. Воплощение данного конструкта происходит через включение нужного знания в дискурс «точки зрения». Передача данной совокупности информации наполняет социальную реальность нужным содержанием, приближая ее к выстроенному «идеальному образу». Таким образом, виртуализация социальной реальности становится возможной в процессе осуществления коммуникации «точки зрения» с социальной реальностью, то есть с самой собой, поскольку выстроенное социальное есть самовоплощение «точки зрения».

Коммуникация абсолютной позицией осуществляется с помощью масс-медиа, наполняя социальное пространство бесконечным потоком информации, передачей знания. В пришествии общества коммуникаций решающая роль принадлежит масс-медиа. Это общество, которое характеризуется ин-

тенсификацией обмена информацией и постоянной тенденцией к совпадению события и информации [5.С.18]. «Общество коммуникации» - это очередной способ трансцендентной «точки зрения» завуалировать собственную власть.

Масс-медиа определяются как средства, осуществляющие передачу массовой информации. Они представлены различными структурами, осуществляющими и способствующими коммуникации: избирательная система, референдум, литература, шоу-бизнес, СМИ и т.д. «Масс-медиа характеризуют это общество не как общество более "прозрачное", больше осознающее себя, более "просвещенное", но как общество более сложное, даже хаотичное» [5.С.10-11].

Происходит превращение телевидения, радио, журналов в элементы всеобщего взрыва и преумножения «видений мира». Сама логика "рынка" информации, навязанная власть предержащими, требует постоянного расширения этого рынка, а, следовательно, требует, чтобы объектом коммуникации стало "все". Это умножение коммуникаций, эти "заявления о себе" все возрастающего количества субкультур являются наиболее очевидными эффектом масс-медиа [5.С.11-12]. Таким образом, социальная реальность как утопический конструкт самоутверждается массовыми коммуникациями.

Самокоммуникация представляет собой процесс саморефлексии, или критики, которая реализуется в пространстве литературы и СМИ.

Критика всегда стремится к реализации, таким полем трансцендентной «точки зрения» выступает литература, которая представляет непосредственное ее воплощение, поле ее опустошения. Литературная критика как истина объективирует дискурс (Р. Барт), делая его объектом самоанализа [1.С.547-558]. Поэтому область критического дискурса есть дискурс литературной критики. Литературный дискурс пытается заполнить обесмысливание, лакуну, возникающую в социуме вследствие неопонимания социальной реальность проговариваемой «точки зрения». Литературный дискурс является построением желаемой реальности критиком. Как пишет Р. Барт, литература, опосредованная языком одномерна, а реальность многомерна. Поэтому каждое литературное произведение говорит на своем собственном языке, а построенное им есть заполнение лакун, возникающих вследствие отсутствия понимания трансцендентной «точки зрения». Поскольку литературный дискурс выстраивает желаемую реальность, постольку он является построением того, что не существует, т.е. утопии.

Каждое литературное произведение есть воплощение «идеолекта» (Р. Барт), то есть оно говорит на собственном ему понятном языке. Ни одно общество не может допустить того, чтобы говорить на языках не-понимания внутри него. Оно сопротивляется, что служит основой для возникновения возможности индуцирования новой самокритики «точки зрения». Таким образом, литература как утопическая конструкция является бесконечной самокритикой и попыткой объяснения себя обществу.

Дискурсивные практики масс-медиа образуют коммуникационное пространство социальную реальность средств массовой информации, суть которой самопредъявление «точки зрения». «Реальность для нас является скорее результатом переплетения <...> многочисленных образов, интерпретаций, реконструкций, которые, конкурируя между собой, и, во всяком случае, без какой-либо "центральной" координации, распространяют масс-медиа» [5.С.13]; реальность возникает как "контекст", образуемый множеством фабуляций, распространяемых масс-медиа. Особенность формы масс-медиа состоит в том, что она позволяет сливаться реальности и образу этой реальности, то есть скрывать этим самым свою посредническую роль.

В этой реальности разворачивается дискурс трансцендентной «точки зрения», стремящейся к объективизации своих представлений. Ее утверждение осуществляется посредством отбора интересующих событий и их интерпретации (придания им какого-либо содержания). «События теперь больше не имеют значения по сравнению с их предвиденным смыслом, их программированием и их распространением» [20.С.21]; поток событий сужается до «вероятной сферы» причин и следствий, до сферы «актуальности» (actualite). Социальная реальность наполняется «знаками» социального, политического, уложенными в «тесную сеть моделей значимости» [3], события приобретают существование только в дискурсивном пространстве, погружается в гиперреальность [2.С.91-94]. В результате события выстраиваются по определенным информационным моделям, «матрицам», и приобретают содержание, которое соответствует «видению мира» трансцендентной «точки зрения». Бодрийяр Ж. делает вывод, что «события теперь больше не имеют значения по сравнению с их предвиденным смыслом, их программированием и распространением»; «реальные» факты теряют собственную логику возникновения и развития, они рождаются и существуют только благодаря моделям. Поток событий сужается до сферы так называемой «актуальности», где события нужны только в качестве причин и следствий. Реальное в этой сфере становится операциональным, превращается в средство, а аудитория переживает производимый сообщением «эффект реальности» как настоящую реальность; «страсть Реального» (попытки достичь Реальной вещи через освобождение от «обманчивых слоев реальности») достигает наивысшей точки в «видимости волнующего эффекта Реального». Вследствие этого, социальная реальность наполняется «знаками» социального, политического, которые уловлены сетью «моделей значимости». События начинают существовать только в дискурсивном пространстве масс-медиа, то есть погружаются в гиперреальность. Социальная реальность расписывается по сценарию и разыгрывается по ролям как театральная постановка [7].

Таким образом, дискурс трансцендентной «точки зрения» структурирует и выстраивает социальную реальность согласно моделям и образам, соответствующим концепту реальности, пытаясь наполнить ее «чужими» знаками. Возникает симуляция социального, симуляция присутствия социального.

Здесь и обнаруживается отсутствие социального, которое констатировал Ж. Бодрийяр. Он, исследуя социальное в соотношении с симуляцией, прослеживает его динамику и формулирует три взаимосвязанных положения.

Первое положение: социальное, собственно говоря, никогда не существовало как таковое, так как это есть продукт дезинтеграции символического обмена, то есть остаток. Второе положение: если рассматривать социальное как остаток, то оно не просто существует, но еще и нарастает, как функциональная интеграция продукта символической дезинтеграции. То есть в процессе символической дезинтеграции социальные институты берут на себя функции символического обмена, «заботятся» об этом остатке. Соответственно, чем больше остаток, тем больше социальное. Третье положение: социальное существовало, но теперь его больше нет. Оно существовало до того момента, как произошла «имплозия» социального в массы. Нарастание социального возможно было только в пространстве перспективы, расширения. Процессы детерриториализация и концентрации в городах делают возможными все элементы социальности: пространственная близость, легкость взаимодействия и взаимообмена и доступность информации в любое время. Однако в предельном случае это приводит к сверхсоциальности. Социальное достигает критической массы, следствием чего является имплозия (взрыв внутрь) [16].

Когда социальное достигает «всеохватности», заполняет все пространство, оно «схлопывается» и превращается в анонимные асоциальные массы. Асоциальность проявляется в отсутствии коммуникаций и безразличии, Ж. Бодрийяр констатирует, что социального больше нет.

Получается, социальное существует только в мыслительных конструктах трансцендентной «точки зрения», симулякрах социального, которые она производит, пытаясь «вписать» себя в окружающую действительность. Однако тем самым она обращается только к себе. Данный процесс определяется Ж. Бодрийяром как «соблазн», «со-вращение», бесконечное производство и обмен знаками, которые ссылаются только на себя (например, дискурс политика). Признавая симуляцию бессмысленной, Ж. Бодрийяр в то же время утверждает, что в этой бессмыслице есть и «очарованная» форма: «соблазн», или «совращение». Совращение проходит три исторические фазы: ритуальную (церемония), эстетическую (совращение как стратегия соблазнителя) и политическую. Такой постоянный обмен, круговорот и составляет содержание дискурса трансцендентной «точки зрения».

В данном случае модель коммуникации, традиционно составленная тремя элементами – отправителем, сообщением и получателем, в пространстве масс-медиа трансформируется в один элемент. Масс-медиа, как средство, служащее для передачи сообщения, в силу своих свойств сливается с ним. В сообщении заранее интегрирован ответ, который не оставляет выбора, лишает предмет сообщения собственного смысла и придает ему другой смысл, «возможный», утопический. В силу принципиальной безответности такой коммуникации, в процесс передачи информации вынужденно конструируется также и получатель сообщения, аудитория. Коммуникация получается одно-сторонней, где отсутствует отвечающий субъект, потому что он определен

заранее. Констатируется слияние масс-медиа, сообщения и получателя в один конструкт, медиум, характеризующийся самообращаемостью. Именно на этом слиянии, конструкции основывается система социального контроля и власти.

Итак, трансцендентная «точка зрения» создает идеальный образ, «утопию», конструкт мыслительного характера, который кладется в основание дискурса социальной реальности. Выражение дискурса происходит в масс-медиа посредством интерпретации событий. Интерпретация направлена на то, чтобы сформировать представление о том или ином явлении социальной действительности. Социальная реальность, формируемая по моделям трансцендентной «точки зрения», виртуализируется, т.к. ее конструкты являются симулякрами, «пустыми» или виртуальными знаками. Дискурс масс-медиа как трансцендентной «точки зрения» смоделируется в литературе и СМИ, т.е. представляет самообращение как процесс бесконечного производства знаков, читаемых и осмысливаемых только самим собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616с.
2. Бодрийяр Ж. В тени оmlчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, Изд-во Уральского ун-та, 2000. 95с.
3. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика политика (сборник статей) Альманах Российско-французского центра социологии и философии института социологии российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 193 – 226.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387с.
5. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Издательство «Логос», 2003. 128с.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288с.
7. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160с.
8. Ковалевская Е.В. Компьютерные виртуальные реальности: некоторые философские аспекты // Виртуальные реальности. Труды лаборатории виртуалистики. Выпуск 4. Труды центра профориентации. М., 1998. С.37-43.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 160с.
10. Медведев С. СССР: деконструкция текста // Режим доступа: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/medved.htm/medved.htm>
11. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240с.
12. Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432с.

13. Розин В.М. Природа виртуальной реальности // Виртуальные реальности. Труды лаборатории виртуалистики. Выпуск 4. Труды центра профориентации. М., 1998. С.193-198.
14. Розин В.М. Существование, реальность, виртуальная реальность // Режим доступа: <http://sociology.extrim.ru>
15. Сивирин Б.С. Социальная квазиреальность или виртуальная реальность? // Социс. 2003. №3. С.39-44.
16. Фурс В.Н. Контуры современной критической теории. Минск: ЕГУ, 2002. 164с.
17. Хайм М. Метафизика виртуальной реальности // Режим доступа: <http://koapp.narod.ru/hudlit/phylos/book112.htm>
18. Хэммит Ф. Виртуальная реальность // Режим доступа: <http://koapp.narod.ru/hudlit/phylos/book112.htm>
19. Яновский Р.Г. О виртуальной реальности // Виртуальные реальности. Труды лаборатории виртуалистики. Выпуск 4. Труды центра профориентации. М., 1998. С.134-137.
20. Baudrillard J. The Illusion of t end. Great Britain. 1994. Polity Press. 123p.

Поступила в редакцию 19.01.06

N. Ilyina

The ways of virtualization of social discourse

Virtual reality appears on the brink of the “concept” and an attempt to construct the reality in accordance with it. The philosophic “concept” being the absolute “point of view” is given the right of authority in implementing of its performances, as it possesses the power-knowledge. The space that appears in result is unreal, it exists only by expressing itself and performing itself as a “utopia”. “Utopia” describes the possible or the “ideal” state of social reality, which is its own simulacra. The construction of the virtual space is carried out with the help of communication. The utopian construction self-assesses in the field of literature and mass media.

Ильина Наталья Борисовна,
Удмуртский государственный университет
426034, Россия, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1 (корп. 1)